

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление серии *С. Власова*

Сокол, Лена.
С59 **Очень плохой профессор / Лена Сокол.** — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-114093-9

Между ними был всего метр. Расстояние дыхания. Один шаг. Так далеко и невыносимо близко. Так много «хочу» и еще больше – «нельзя».

Невинная переписка в сети, которой девушка не придала значения. Короткие сообщения, легкий флирт, взаимное притяжение – и вот они решаются на встречу, которой суждено стать роковой. Теперь она преследует его во снах, сводит мужчину с ума. А он заставляет ее краснеть и отводить глаза, вспоминать о времени, проведенном наедине. Но они не должны и не могут быть вместе. Ведь он – ее профессор. Очень плохой профессор...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114093-9

© Сокол Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Осенний вечер «порадовал» холодным ветром и нудным проливным дождем. Матвей Озеров нещадно опаздывал на свидание. Он гнал автомобиль по скользкому темному шоссе, рискуя в любой момент попасть в аварию и слететь с дороги. Дворники на лобовом стекле трудились на пределе возможностей, но видимость по-прежнему оставалась ужасной.

Прошло еще полчаса, прежде чем мужчине удалось припарковаться у маленькой кофейни на окраине. Быстро взглянув в зеркало, он пригладил мокрые волосы. Нахмурился, недовольный результатом, и взъерошил их — пусть смотрятся естественно. Незнакомка не должна подумать, будто он готовился к встрече. Хотя чего уж тут: наверняка девушка давно ушла, ведь он опоздал на целых... сколько там?

Посмотрев на часы, мужчина выругался. Сорок пять минут. Плохо, очень плохо. Во всем виновата проклятая лекция, которую ему пришлось читать вместо профессора Князева. Матвей открыл дверцу и поморщился. Ливень хлестал беспощадно, а у него даже зонта не было. Если знакомка все еще дожидалась его в кофейне, то он рисковал заявиться к ней в мокрой одежде.

Накрыв голову свежим изданием научного журнала, Озеров вышел из машины и... как назло, наступил в глубокую лужу.

— Твою мать! — выдохнул он.

«Ладно, какая теперь разница».

Держа одной рукой журнал над головой, второй он захлопнул дверцу автомобиля и щелкнул «сигналкой». Расстояние до входа в заведение Матвей преодолевал, матерясь и перешагивая через лужи, а ветер, словно издеваясь, гнал колючие дождевые капли прямо за воротник.

Кофейня казалась большим светлым пятном в бушующем погодном хаосе. Прежде чем потянуть дверь на себя, мужчина остановился и приткнулся лицом к стеклу. Половина столиков пустовала. Оставшиеся занимали компания подростков, пожилая пара, одинокий мужчина и... она. Девушка. Длинные каштановые волосы, прямая спина, изящный изгиб шеи и подбородка. Утонченная и какая-то... невесомая.

Незнакомка сидела к нему вполборота, поэтому Матвей не мог полностью оценить ее внешние данные, но то, что он видел, ему определенно нравилось. Девушка была молода и стройна. Если она окажется хотя бы не слишком страшной, то он останется. Возможно, они хорошо проведут время в одной из гостиниц. Только секс, никаких обязательств — вот о чем они договаривались с OlyaBadGirl — так назвалась девушка в приложении для знакомств.

Нет, Матвей не был озабоченным разводилой, который сутками сидит в Интернете, пытаясь подцепить одинокую разведенку или малолетнюю дурочку для сексуальных утех. Он много работал на кафедре в университете, а вечера уделял маленькой дочери

- Очень плохой профессор -

Вере. Мужчина решил воспользоваться приложением, чтобы просто найти себе подругу на вечер.

За последние пару лет он привык по-быстрому сбрасывать напряжение в кулак, стоя под душем, но тут... ему вдруг захотелось живой женщины. Хоть раз. Чтобы вспомнить, что он тоже живой и еще на многое способен. Да еще и реклама этого приложения так некстати попала на глаза в «Инстаграме»: одно неверное движение, и он уже перешел по ссылке.

Матвей не знал, кого увидит в кофейне. OlyaBadGirl не выкладывала фотографий в своем профиле. В переписке она была скромной и немногословной, на все его вопросы отвечала односложно — совсем не характерно для плохой девчонки. Но его привлекло объявление: «Ищу порядочного мужчину с красивым телом для ничего не обязывающей встречи. Только секс, никаких разговоров по душам». И ему это подходило: уж чего-чего, а в душу к себе Матвей Озеров никого впускать не собирался. Да и с порядочностью и красивым телом у него тоже, как он считал, не было особых проблем.

Дверь отворилась бесшумно: ни скрипа, ни звона колокольчика. В мягко льющейся из динамиков джазовой музыке и монотонном гуле голосов, привычном для такого заведения, как кафе, приход мужчины остался практически незамеченным. Только подростки почти без интереса полоснули по нему равнодушными взглядами и тут же отвернулись.

Озеров замялся у входа, отряхивая мокрый журнал. Бесплезно. Дорога печатному изданию теперь только в мусорную корзину. Но таковой в помещении не имелось, поэтому Матвей по-быстрому скру-

тил журнал в рулон и сунул под мышку. Незнакомка все еще была увлечена своим кофе, поэтому у него было лишь несколько секунд на то, чтобы решить — подойти к ней или нет. И столько же на то, чтобы привести себя в порядок.

Мужчина стряхнул дождевые капли с пиджака. Застегнул верхнюю пуговицу, затем расстегнул. Лучше, если он будет смотреться естественно. Оглядев грязные туфли, он щелкнул языком с досады: не то чтобы Озеров сильно переживал, что ни к чему не обязывающий секс сорвется из-за неряшливо перепачканной обуви, просто он привык выглядеть хорошо и чувствовать от этого уверенность.

Матвей сделал шаг, еще один. Вдохнул, выдохнул и вдруг понял, что отчего-то сильно нервничает. К чему ему эти приключения? Сидеть, разговаривать с незнакомым человеком, поддерживать беседу только ради того, чтобы заняться сексом? Не проще ли снять для таких целей профессионалку? И плевать, что он брезгует продажной любовью, зато никаких условностей — все четко и по делу.

Мужчина уже развернулся, передумав подходить к нужному столику, но внезапно услышал вскрик. И бежать бы ему, да подальше: ведь помимо работы в университете Озеров терпеть не мог женских слез, — но отчего-то именно в этот самый миг в груди у него все сжалось от щемящего предчувствия. Он просто не мог уйти, не узнав, нужна ли ей помощь.

— Простите, — сказал Матвей, приблизившись.

Она вздрогнула, резко подобралась и принялась тереть руками глаза. Прошла всего доля секунды, пока он делал один-единственный шаг, чтобы оказаться перед ней и взглянуть в лицо, но за это мгно-

- Очень плохой профессор -

вание его сердце успело рухнуть вниз и подскочить обратно.

— Ой, Матвей Палыч, это вы? — размазывая слезы по щекам, всхлипнула девушка.

— Алексеева? — опешил он.

-2-

Озерову стало ужасно неловко. И как он не признал в хрупкой незнакомке свою студентку? Ту самую Алексееву, что вечно записывала за ним буквально каждое слово на лекциях. Отличницу, скромницу, то бледнеющую, то краснеющую от каждого вопроса старосту группы, которая вечно носила длинные юбки и застегнутые наглухо кофточки с высоким воротом.

Мужчина частенько давал студентам самостоятельные задания и украдкой наблюдал за ней. Ему нравилось то, что он видел. И дело было не в привлекательности девушки и даже не в его мужском интересе. Нет. Дело было в асимметричных светлых пятнах на лице и шее Алексеевой — так называемом витилиго.

Глазеть открыто было не совсем приличным, да и девушка явно стеснялась своего изъяна. Озеров частенько замечал, как она прячет глаза или нервно тербит воротник, пытаясь прикрыть проявления болезни от посторонних взглядов.

И все же ему было интересно рассмотреть их поближе: ведь розоватые пятна не только не были разными, но и ничуть не портили внешность юной студентки.

— Простите, — привычно спрятала взгляд девушка. Протянула руку, схватила пару салфеток и прижала к воспаленным от слез векам. — Не хотела, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии...

Случайно задетая ее рукой солонка покачнулась и упала на бок быстрее, чем мужчина успел на это среагировать.

— Ну вот, — всхлипнула Алексеева. — Я та-ка-а-ая неуклюжая!

Матвей поднял солонку, поставил ее на место и вдруг замер в нерешительности, разглядывая рассыпанные по поверхности стола крупинки. Наверное, незнакомка ушла, не дождавшись его? И вряд ли она уже вернется. Можно уходить. Но... как быть со студенткой? Бедная девушка, кажется, находится на грани истерики.

— Ничего страшного, — произнес он негромко. Обернулся, ловя на себе взгляды посетителей. Неловко кашлянул и положил мокрый журнал на стол. Потоптался, раздумывая, как лучше поступить, и все-таки опустился на стул напротив. — Что у вас случилось? — спросил Озеров, заглядывая в глаза девушки. — Расскажите.

Алексеева отчаянно замотала головой:

— Ой, ничего, простите, сейчас пройдет. — Она промокнула бегущие по щекам слезы и сипло проговорила: — Вы не обращайте внимания, Матвей Павлович. Вам, наверное, идти надо.

— Вам явно требуется помощь, — выпрямился Озеров. — Расскажите, что стряслось.

— Нет-нет, вас, наверное, ждут, а вы тут возиться со мной будете...

— Если я могу чем-то помочь, то почему бы и нет?

- Очень плохой профессор -

Девушка обессиленно уткнулась в несчастную салфетку и шмыгнула носом. «Ага. Истерика усиливается, — подумал мужчина, — этого мне только сейчас не хватало».

— Мне уже никто помочь не может. Все! — вдруг пискнула Алексеева.

«И даже в таком состоянии она выглядит очень милой», — отметил Озеров. Он жестом подозвал официанта и попросил принести кофе.

— И мне повторите, — жалобно мяукнула студентка, выныривая из спасительной салфетки, насквозь промокшей от слез. — Пожалуйста.

— Вот, возьмите, — мужчина достал из кармана носовой платок и протянул ей.

«Не хватало еще, чтобы присутствующие подумали, что я довел ее до слез», — подумал он. Ведь все, кто был в кафе, уже косо поглядывали на странную парочку.

— Спасибо... — Алексеева благодарно сморкнулась в платок и вновь от смущения опустила взгляд вниз.

— Вас кто-то обидел? — осторожно поинтересовался Озеров.

— Меня? — удивилась она, обратив на него взгляд больших карих глаз. — Нет... Вернее... — Девушка глубоко вдохнула и выдохнула. — Наверное, такое не говорят своему преподавателю...

— Ладно, чего уж тут...

Алексеева втянула голову в плечи.

— Я договаривалась о встрече с одним человеком, но он не пришел, — тихо призналась студентка. А потом вдруг решила выпалить все сразу: — Но я не удивлена! Вот ни капельки! Такое со мной было... уже дважды! Они боятся меня! Того, как я выгляжу. *Вы*

понимаете, о чем я говорю? Понимаете. Все из-за этого... — Она взмахнула руками, указывая на пигментацию на своей коже. — Я постоянно убеждаю себя, что это не уродство, но мужчины так не думают! Они... они... вот вы сейчас так же на меня смотрите! С жалостью!

Озеров едва не поперхнулся.

Ни о какой жалости не было и речи. Разве могло какое-то несчастное пятнышко испортить внешность молодой, стройной и красивой женщины? Бред полнейший. Допустим, не одно пятнышко. А два — неровное, крупное — на подбородке возле рта, немного заходящее на щеку, и второе, поменьше, возле виска. Если присмотреться, они даже украшали ее. И третье — на шее, оно тоже ничуть ее не портило.

Возможно, такие пятна имелись и еще кое-где на ее теле...

От мысли об этом жар неминуемо прилил к лицу профессора, а затем распространился по всему телу. С ума сойти! Да он покраснел, как смущенный школьник, едва подумав об округлостях своей подопечной! А еще практически возбуждился. Вот идиот...

— И он тоже! — всхлипнула Алексеева, махнув платком. — Он тоже... увидел меня, наверное, в окне и ушел! Надо было встретиться с ним в клубе, в темноте, как сначала и задумывала. Черт дернул позвать его в эту дыру!

— Успокойтесь, Алексеева, — предчувствуя новый поток женских слез, поднял руки Озеров. — Успокойтесь, пожалуйста.

В этот момент подошел официант и поставил перед ними чашки с кофе.

- Очень плохой профессор -

— Можно еще водички для девушки? — тихо спросил Матвей. — Она слишком... расчувствовалась.

— Нет! — замахала руками студентка. — Не надо, спасибо. — Она наклонилась над столом и прошептала: — Он уже плеснул по моей просьбе коньяку в кофе.

— Вот как... — кашлянул Озеров.

— Иначе стала бы я перед вами исповедоваться? На трезвую-то голову? — Девушка промокнула платком щеки. — Вы же... вы ведь мой... преподаватель. Вы — профессор! Мне еще зачет вам сдавать и экзамен, а я тут — про свои проблемы... — Ее губы задрожали. — Про уродство свое, из-за которого у меня ни с кем ничего не выходит! И про девственность эту чертову! Ка-а-ак же она меня достала! Мне уже девятнадцать. Девятнадцать, понимаете?! — Алексеева отхлебнула из своей чашки и поморщилась. — Я и так пыталась и сяк! Каждый раз в последний момент все срывается. Заколдованная она, видимо!

— Кто? — опешил Озеров.

— Девственность, — пропищала девушка. — Будь она проклята! Из-за нее мой парень... мой бывший парень... — она вздохнула. — Нет, не хочу говорить о нем...

— Я не понял, в-вы... — мужчина даже начал заикаться от неловкости происходящего.

Алексеева приложила ладони к пылающим щекам и снова наклонилась над столом:

— Я ведь сегодня пошла на отчаянный шаг, Матвей Павлович. Решила, что если последняя попытка не сработает, то все — одна мне дорога. В мона-

стырь! — она нервно хихикнула. — Шучу, конечно. Просто все дело только в ней — в девственности этой. Она во всех моих неудачах виновата. Если лишить ее, то дальше пойдет как по накатанной, увереннее в себе стану. Решила, что если уж сегодня никак, то, видимо, не судьба. Мужчину нашла специально под это дело.

— Мужчину? — пробормотал он.

— Да. А что? Не умею я общаться, понимаете? Скромная я, забитая. Мне так проще. — Она отхлебнула кофе и поморщилась от коньячной горечи. — Нашла мужика в приложении для знакомств. Первого попавшегося, правда, но это ерунда. Он мне сразу приглянулся: видно, что начитанный, серьезный, много не болтает. Я и подумала, что мне с ним тоже много говорить не придется: сделает свое дело, снимет проклятие, и разбежимся.

— В приложении для знакомств, значит...

Озеров сглотнул. Картинка начинала вырисовываться.

— Только я про девственность умолчала. Зря, наверное? Может, его, наоборот, заинтересовал бы этот факт? Говорят, сейчас много торкнутых на этой теме... Глядишь, и не стал бы моей внешностью брезговать, а? — Губы Алексеевой снова задрожали, на глазах выступили слезы. — Вы простите меня, Матвей Палыч, несую всякую чушь, — она всхлипнула. — Это во мне коньяк говорит. Я бы сама ни за что. Никогда...

— Алексеева, все хорошо, успокойтесь, — хрипло сказал мужчина.

- Очень плохой профессор -

Студентка быстро смахнула слезинки и приложила к щеке платок:

— Ох и стыдно будет перед вами завтра...

— Ничего страшного, — Озеров прихватил руками горячую чашку. — Значит, говорите, он не пришел?

-3-

Угораздило же его так вляпаться!

Озеров обычно настолько сильно выматывался на работе, что возвращался домой еле живым. Сил хватало лишь на то, чтобы разогреть полуфабрикаты и выслушать дочь за ужином. Вера рассказывала ему, как прошли уроки, как она занималась в секции по плаванию, как дела в лицее, а он слушал и привычно кивал, редко комментируя или делая замечания, если вопрос касался учебы.

Профессор всегда мысленно ругал себя за то, что мало времени уделял воспитанию дочери. Он обещал себе исправиться, но другого выхода, как отчаянно пахать, пока не видел. С тех пор как обанкротилась его фирма, прошло четыре года. И если бы не предложение ректора вернуться в университет, то неизвестно, как бы они с Верой сейчас выживали.

Да, он часто брал лишние часы, чтобы заработать побольше, но зато они с дочкой ни в чем не нуждались. Наконец-то у Озерова хватало денег, чтобы оплачивать занятия Веры: плавание, английский и ее любимую математику.

А теперь он попал в переplet.